

Tolstaja, Svetlana Michajlovna

Мифология и магия имени в славянской народной традиции

Opera Slavica. 2002, vol. 12, iss. 4, pp. 1-9

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117439>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

МИФОЛОГИЯ И МАГИЯ ИМЕНИ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Светлана Толстая (Москва)

В традиционной славянской народной культуре трактовка имени (личного имени человека) имеет две внутренне связанные между собой стороны – мифологическую и магическую. Имя представляет собой не просто знак человека, оно воспринимается как двойник, заместитель человека или как его «часть» (в этом отношении оно сближается с понятием души, а также с такими «бессмертными» и отторжимыми частями тела, как волосы или ногти, или даже с одеждой, которая тоже нередко выступает как заместитель человека; любопытно в связи с этим сербское народное выражение об имянаречении «надеть имя»). Имя может «материализоваться» и восприниматься как вещь: по старому белорусскому свидетельству, когда нельзя было принести к священнику ребенка для крещения, кумовья или родители отправлялись к священнику одни и просили его прочесть молитвы, положенные при наречении имени, и произнести это над шапкой или детским чепчиком; шапку сжимали рукой, иногда завязывали, чтобы имя не улетучилось из нее, и, принеся домой, одевали на голову ребенка, а так как немногие священники соглашались исполнять такую просьбу, то крестьяне проделывали этот обряд самостоятельно: произносили имя в шапку и одевали ее на голову ребенка (Богданович 1895: 37). Имя можно было уничтожить, например сжечь: у черногорцев из племени Кучи, чтобы излечить больного, надо было узнать имена «дьяволов», которые наслали болезнь, написать их на бумаге и бросить в огонь, тогда больной избавится от болезни (Дучић 1931: 521).

Часто считалось, что имя человека появляется в мире одновременно с рождением человека, так же как в этот момент зажигается на небе его звезда, и при наречении младенца именем надо лишь «угадать» предназначенное ему имя, тогда его жизнь в этом мире сложится благополучно. Такое угадывание имени у восточных славян применялось в ритуале «окликания» ребенка, если он родился слабым и не подавал признаков жизни. На Русском Севере ребенка сначала окликали именами родственников, а затем остальными именами, и имя, при котором он оживал,

оставалось его именем (ЭО 1890/1: 50). Украинцы «окликали» мертворожденного ребенка, чтобы вернуть его к жизни: повитуха кричала ему на ухо различные имена, в зависимости от пола мужские или женские (Talko-Hrupcewicz 1893: 93). Поразительно, что этот обычай в южнорусских областях сохраняется до наших дней. Вот свидетельство 1996 года: «У сестры родилась двойня. Мальчик никак в себя не приходил. Бабушка его окликала в окно [это значимая деталь, окликала как бы из внешнего, потустороннего мира]. Дитя положили на лавке. Баба вышла на улицу и через окно звала по именам: Иван, Фома, разные имена. Богу молилась, а сама окликала, пока на Яшу не пошевелил пальчиками на ручках. Так и стал Яшей» (Власкина 1998: 16).

«Неправильно» выбранное имя становилось причиной болезней и несчастий и подлежало замене. Перемена имени, символизирующая «перерождение» человека – один из широко распространенных лечебных приемов (наряду с другими приемами, более прямо ассоциирующимися с родами, такими как перешагивание матери через больного ребенка, пропускание ребенка через рубаху матери, сажание ребенка на хлебную лопату и «перепекание» его в печи и т. п.).

Мифологическая трактовка имени человека особенно ярко проявляется в представлениях о безымянности, с одной стороны, и о «двумьянности», с другой. Пока новорожденный не получил имени, он считается принадлежащим «иному» миру, миру демонов (ср. рус. поговорку: «Без имени ребенок – чертенок»). Болгары называют детей до крещения именами животных (*щенок, улитка, птенец* и т. п.) и мифологических персонажей (*върколак*), именуют их инородцами (*еврейче, циганче*); считают, что их нельзя целовать, в случае смерти их не отпевают, не оплакивают, погребают голыми (снова параллель имя – одежда), не хоронят на кладбище или хоронят на чужом – цыганском, мусульманском кладбище, не отмечают их могилы, не поминают (Кръстева 1996: 114–115). Не получившие имени дети на том свете клянут свою мать за то, что она не дала им имени, и потому им «помину никакого нет» (современная запись из Кубани); дети же, умершие некрещеными, но получившие имя (которое им могла давать повитуха), находятся в лучшем положении и преследуют безымянных и дерутся с ними (украин. харьк. – Иванов 1893: 69). Мертворожденные дети в некоторых русских говорах (владим., тамбов.) называются *безымянка*, в некоторых болгарских говорах – *безимка*, а, с другой стороны, этим же именем называются персонажи нечистой силы: арханг. *безымень* «привидение, двойник». Вместе с тем у сербов встречается убеждение, что ребенок некрещеный, т. е. «безымянный», лучше растет и

менее подвержен опасности со стороны демонических сил (ГЕМБ 1936/11: 60).

Практика наречения человека двумя именами имеет разные мотивировки. Так, жители Силезии полагали, что у человека имеется две души (или два духа), каждая из которых должна быть названа: если же ребенку дать только одно имя, то безымянная душа становится стригой, зморой и т. п. (Lehg 1984: 231–232). Часто ребенку давали два имени в защитных целях, особенно в семьях, где «не держались» дети; при рождении первого ребенка (у хорватов) и в других случаях. Один анонимный автор в начале 19 века сообщал о духоборцах: «Они полагают, что каждому истинному христианину даются два имени: одно плотское, при плотском рождении от родителей его даваемое, а другое духовное, которое нарекает ему Небесный Отец при духовном его рождении соответственно его делам. Сие последнее имя никому здесь неизвестно, а познано будет в вечности» (Летописи рус. лит. и древности. Т. 4. М., 1982, отдел Смесь, с. 10). Но это особая традиция, здесь духовное рождение означает как раз не рождение, а смерть: у старообрядцев известна практика наречения новым именем перед смертью. А вот современное свидетельство из Заонежья: «на семейном совете принималось иногда решение о том, что новорожденный будет иметь два имени. Нареченное попом всю жизнь хранили в тайне, а ребенок носил имя, избранное на совете. Делалось это с расчетом на возможную порчу, которую колдуны и недоброжелатели будут насылать на ложное имя, что, согласно заонежским поверьям, не сможет человеку причинить никакого вреда» (Логинов 1993: 61). С этим представлением, согласно которому имя открывает человека внешним, в том числе злокозненным силам, связан обычай **табуирования**, сокрытия «истинного» имени и замещения его каким-либо «ложным» именем, способным обмануть демонов и отвратить опасность. У южных славян, где практика табуирования и замещения имени имела широкое распространение, известны случаи, когда истинное имя сохранялось в тайне всю жизнь (и даже от матери), поэтому когда умирал старый человек, нередко никто уже не знал его настоящего имени (ГЕМБ 1984/48: 229–230). Сербские женщины никогда не называли перед чужими истинного имени своего ребенка, и даже самый вопрос о том, как его зовут, считался недопустимым; настоящее имя ребенка мать никогда не произносила и в адресованных ему проклятиях, чтобы они не исполнились (ГЕМБ 1936/11: 166).

Именно мифологической трактовкой имени, приравнивающей имя человека к его сущности, объясняется широкое использование имени в магических целях. Существует множество обрядов, основанных на

магии имени. Магическому принципу подчиняются различные способы выбора имени при имянаречении, практика именовании в тех или иных жизненных ситуациях (особенно ярко в обычаях именовании женой мужа и его родственников у южных славян), операции с именами в разнообразных кризисных ситуациях (болезнь, угроза смерти, стихийные бедствия), превентивные защитные ритуалы, гадания и др. (см. подробнее Толстые 1998).

В подобных ритуалах могут фигурировать самые разнообразные имена, но может быть выделена особая категория магических имен, которые отличаются повышенной эффективностью. Их магическая сила может заключаться как в их языковой форме (условно – семантические имена), так и в их прагматике, т. е. в обстоятельствах присвоения или употребления имени, в характере носителя имени и т.п.

Семантические, или значащие, имена до наших дней употребительны в ономастической традиции южных славян: это личные имена, совпадающие с названиями (или производные от них) животных, растений, минералов, природных явлений и т.п., призванные передать носителю имени желаемые свойства соответствующих предметов и явлений: имя *Голуб* должно наделить его носителя голубиной кротостью и божественным покровительством, *Камен* – крепостью и устойчивостью, *Живко* – жизненной силой, *Сретен* – счастьем и т. д. (Вукановић 1940). Но это могли быть не только «благопожелательные» имена, но и имена «отталкивающие, отвратительные и устрашающие». Широко известно сообщение Вука Караджича (в его «Сербском словаре» – см. Караџић 1935) об обстоятельствах получения им имени *Вук* («волк»): у его родителей умерло подряд несколько младенцев, и для того, чтобы уберечь от смерти нового ребенка, ему дали волчье имя, которое должно было не подпустить к нему нечистую силу, устроить или обмануть ее.

К семантическим могут быть отнесены и так называемые «останавливающие» имена, употребительные в магической практике южных славян. Это имена, образованные от глагольного корня со значением «стоять» (*Стоян, Станко, Станимир, Стоянка* и т.п.), которые должны были сообщить своим носителям способность останавливать, прекращать разного рода нежелательные явления или вообще всякое зло. Людей с такими именами привлекали к магическим обрядам опахивания села в случае мора или повальных болезней, эти имена давали новорожденным, если хотели остановить смерть детей, прекратить рождение девочек или рождение детей вообще; лица с такими именами считались самыми надежными исполнителями лечебных ритуалов, к умершим с такими именами обращались с просьбой отвести от села градовую тучу и

многое другое (Вакарелски 1961: 60; МП 1931/6/4: 96; Vukanović 1986/2: 229).

С этой же целью широко использовались «чужие» имена: например, сербского ребенка могли назвать мусульманским именем (и наоборот) или же мальчику дать женское имя (и наоборот). Защитные свойства приписывались также редкому, непривычно звучащему, старинному или уникальному имени: владимирские крестьяне в случае, если в семье умирали дети, просили священника дать новорожденному имя «похитрее», например, *Цихердон* (БВКЗ: 141).

Особое магическое значение придавалось случайному имени. Такое имя воспринималось как данное судьбой, посланное высшими силами. У всех славян для защиты новорожденного от грозившей ему смерти (в семьях, где «не держались» дети) прибегали к наречению ребенка именем первого встречного, которого приглашали в кумовья (Толстая 1992). В отношении «прецедентного» имени, т.е. имени, принадлежавшего какому-то конкретному лицу из родственного или более широко окружения, существовали и существуют разные обычаи. С одной стороны, надление ребенка «хорошим» именем, оправдавшим себя в счастливой судьбе или высоких качествах прецедентного носителя этого имени (в том числе и прежде всего одноименного святого) должно было, по народным представлениям магически обеспечить нарекаемому этим именем ребенку патронаж этого лица и счастливое будущее. С другой стороны, во многих локальных традициях существовали строгие ограничения или даже запреты на наречение детей именами родителей (в меньшей степени – именами деда и бабушки) или вообще именами близких родственников, членов одной семьи или рода (иногда только умерших). Считалось, что нельзя давать «имя на имя», т.е. один из тезок сживет со свету другого: дали имя на имя, вот Мария Марико и выжила (череповец., Брагина 1980: 93). У южных славян (болгар, македонцев и сербов) не только считалось, что нельзя называть детей уже имеющимися в доме именами, но часто запрещалось давать имя, которое носит кто-либо из соседей или односельчан. Согласно одному старому сербскому свидетельству, у сербов считалось, что повторение имени наносит ущерб его прежнему носителю; приводится один показательный случай: «Когда меня назвали Станко, то один наш сосед, которого звали так же, рассердился, и когда позже у него родился сын, он в отместку назвал его именем моего отца» (Миодраговић 1914: 79). Отступления от этих правил допускались в особых случаях, например, украинцы на Карпатах могли даже назвать новорожденного именем одного из его живых братьев и сестер, если хотели магически остановить рождение одних только девочек или (реже) одних мальчиков

или же вообще прекратить рождение детей. Чаще такие отступления позволяли себе семьи, в которых «не держались» дети: чтобы остановить детскую смертность, очередного младенца называли именем отца или матери (Чучка 1970: 47).

Особого внимания заслуживают «мертвые» имена, т.е. имена умерших членов семьи и в частности имя умершего ребенка тех же родителей. У восточных славян как будто нет запрета на имена умерших родственников старшего поколения, однако не принято называть детей именами их умерших братьев или сестер. В Полесье опасались, что ребенок, названный «мертвым» именем, умрет. У южных славян таких ограничений еще меньше. Например, болгары в Страндже не называли именем умершего только первого ребенка в семье (Странджа: 267), а сербы из Восточной Герцеговины вообще считали, что имя должно как можно дольше сохраняться в семье, поэтому детей охотно нарекали именами умерших родственников (Филиповић 1967: 258), в том числе умерших детей тех же родителей (там же: 324). Строго соблюдался запрет на произнесение имени умершего во время погребального и поминальных ритуалов, имя заменялось местоимением или «эпитетом» *несчастный, бедняга, покойный* и т. п. «Мертвого» имени так боялись, что если в близком окружении был ребенок, носивший то же имя, что и умерший, то его на некоторое время переименовывали, чтобы произнесением имени покойника не нанести вред его родственникам (ГЕМБ 1985/49: 190). Имя умершего старались не называть в погребальных и поминальных оплакиваниях.

Вместе с тем магия «мертвого» имени широко применялась в охранительной и отгонной практике. Особенно эффективными оказываются имена утопленников и других категорий нечистых покойников, от которых зависит земной порядок и благополучие людей. К утопленникам (обычно последним, недавним) в Полесье и у южных славян обращались с заклинаниями и мольбами об отвращении от села градовой тучи, а в случае засухи – о ниспослании дождя. По полесским представлениям, при встрече с волком надо назвать имена трех (или девяти) умерших родственников, и тогда волк не тронет: при встрече с русалкой нужно вспоминать имена умерших; в случае пожара нужно трижды обежать дом, выкрикивая имена 12 утопленников, тогда огонь якобы не распространится, а пойдет вверх; женщина, чтобы не приспать младенца, должна вспомнить имена трех утопленников и т. д.

Еще одним видом ономастической магии является магия, основанная на тождестве имен, «магия одноименности». Лица, одинаково названные, наделяются не только общим характером и общей судьбой, но и способностью особым образом взаимодействовать друг с другом в маги-

ческих операциях; они считаются наиболее подходящими, оптимальными партнерами в магических ритуалах. При этом один из них может быть субъектом (исполнителем), а другой объектом магического действия, например, для эффективного лечения стараются выбрать лекаря с тем же именем, что и больной, или взять средство лечения у тезки больного (для лечения опухоли на кости, называемой могильной косточкой, берут землю с могилы человека, имя которого совпадает с именем пациента (череповец. Брагина 1980: 70–71). В других случаях для достижения большего эффекта магии в качестве исполнителей ритуала выбираются лица с одинаковыми именами. Например, у болгар в Родопах, чтобы уберечь новорожденного от смерти в семье, где умирали дети, изготавливали за одну ночь рубашечку и повойник (совершая весь цикл от прядения ниток до шитья), и делать это должны были несколько женщин (2 или 7) с одинаковыми именами (Родопи: 142). Опахивание села от мора или разведение живого огня для прогона скота у сербов должны были производить братья-близнецы или парни-тезки (Тројановић 1930: 65); магическую воду для лечения надо было взять у 9 женщин по имени Мария (СЕЗБ 1934/50: 9) и т. п.

У южных славян (особенно у болгар) большое значение придается уникальному имени. Исполнение самых важных продуцирующих, лечебных или защитных ритуалов поручается людям с единственным, не повторяющимся в селе именем (Пирински край: 475; Тановић 1927: 43; БФ 1993/1: 100).

Таким образом, в магических ритуалах имя могло выступать и в функции объекта (над именем производились те или иные операции: выбор, табуирование, замена, инвокация, «припоминание»), в качестве инструмента магии (с помощью имени достигалось желаемое или избегалось нежелательное) и даже в какой-то степени в функции субъекта магии, когда имя придавало исполнителю ритуала дополнительные магические способности.

Литература:

- БВКЗ – Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993.
 БОГДАНОВИЧ А. Е.: Пережитки древнего мирозозерцания у белорусов. Гродно, 1895.
 БРАГИНА Н. А.: Диалектная лексика обрядов семейного цикла (родинного и похоронного) Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской обл. Дипломная работа. МГУ. 1980.

- БФ – Български фолклор. София.
- ВАКАРЕЛСКИ Х.: Принос към проучване на семейните обичаи на Панагюрско в миналото // Панагюрище и Панагюрският край в миналото. София, 1961.
- Власкина Т. Ю.: Донские былички о повитухах // Живая старина. 1998. № 2. С. 15–17.
- ВУКАНОВИЋ Т.: Лична имена код Срба // ГЕМБ. 1940. Књ.15.
- ГЕМБ – Гласник Етнографског музеја. Београд.
- ДУЧИЋ С. Живот и обичаји племена Кучи. Београд, 1931 [СЕЗБ. Књ. 48].
- ИВАНОВ П. В.: Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Материалы для характеристики мирозозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. Харьков, 1893. Т.5. Вып. 1. С.23–74.
- КАРАЦИЋ В.: Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Београд, 1935. Изд. 4.
- КРЪСТЕВА Е.: Име и именуване в българската традиционна култура // Етнографски проблеми на народната култура. София, 1996. Т. 4. С. 112–137.
- ЛОГИНОВ К. К.: Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- МИОДРАГОВИЋ Ј.: Народна педагогија у Срба. Београд, 1914.
- МП – Македонски преглед. София.
- Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
- СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. (Сборник за народни умотворения и народопис). София.
- СЕЗБ. – Српски етнографски зборник. Београд.
- Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.
- ТАНОВИЋ С.: Српски народни обичаји у Ђевђелијској кази // СЕЗБ. 1927. Књ. 40.
- ТОЛСТАЯ С. М.: Магия против смерти // Балканские чтения. 2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992. С. 52–58.
- ТОЛСТЫЕ Н. И. и С. М.: Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 88–125.
- ТРОЈАНОВИЋ С.: Ватра у обичајима и животу српског народа. Београд, 1930 [СЕЗБ. Књ. 45].

ФИЛИПОВИЋ М.: Различита етнолошка грађа. Београд, 1967 [СЕ36. Књ. 80].

ЧУЧКА П. П.: Антропонимія Закарпаття. Ужгород, 1970.

ЭО – Этнографическое обозрение. Москва.

LEHR U.: Wierzenia w istoty nadzmyslowe // Etnografia Polska. 1984. Т. 28. Z. 1. S. 223–250.

TALKO-HRYNCEWICZ J.: Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków, 1893.

VUKANOVIĆ T.: Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. Т.2.